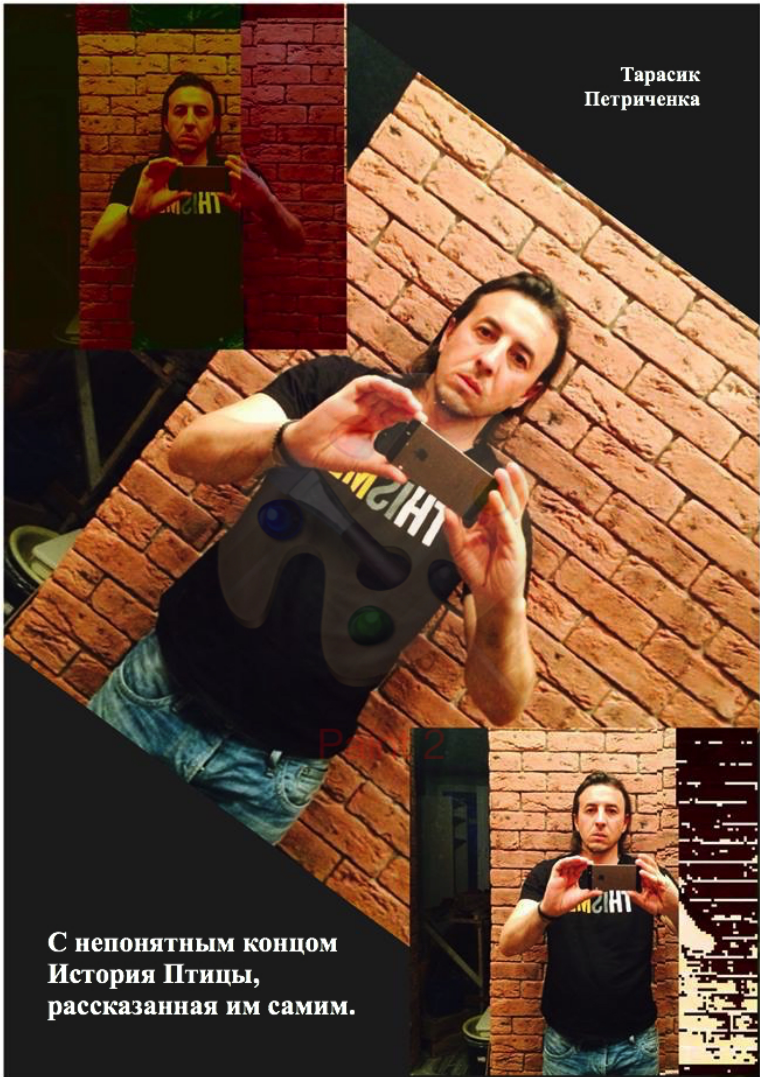


Тарасик  
Петриченко



С непонятным концом  
История Птицы,  
рассказанная им самим.

**Тарасик Петриченка**  
**С непонятным концом история**  
**Птицы, рассказанная им самим**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=11635922](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11635922)*

**Аннотация**

Поэтическая проза.

ТАРАСИК ПЕТРИЧЕНКА.

**С непонятным концом История Птицы, рассказанная им самим.**

Ты продолжай лететь... Лети – не бойся!

Свобода – это тоже песня, впрочем...

Кому её протягивать смешней,

Чем птице, пойманной в авоську безрассудства?

Лети на нож, «не бойся, мы с тобой»!

Я, начитавшись Голубя в Сантьяго,

Бесстыдно плакал в коридорах ТЮЗа

И люди удивлялись надо мной.

Как получилось так, что мой герой, любимый,

Которого воспитывал я с детства,

Оберегая ото всех и вся,

Попал в такую смятую картинку,

Где пьяной ногой движется Московский

И ногти режутся зубами вместо ножниц?

Как неудобно нарисован этот мир!

Когда ты хочешь спрятаться от всех,

В тебя стучат, звонят и письма пишут.

Когда ты стонешь: «Помогите, люди...»,

Хотя бы кто-то шею повернул...

Как это началось?

Вернёмся в детство: мальчик на подушке.

Врачи – ублюдки вырезали ласку.

Чтоб ты перевернулся, Доктор Спок!

Мне Доктор Хайдер симпатичен больше:  
Он снова начал есть – и всё в порядке...  
Я начал есть, я рос и – мне тринадцать.  
Но не растёт усов... Досадный прыщик...  
И девочки, конечно к тем, кто вырос,  
С тобой танцуют, потому что весел...  
А я смеюсь, пою, играю в мячик,  
Стихи с гитарой сочиняю в ванной.  
Пью под мостом портвейн с каким-то Мишей,  
Курю – и в небо дымные драконы,  
Потом я возвращаю всё назад  
Горячей говно-красною струёю  
Из мальчукового нетроганного рта...  
Момент: возненавидел я портвейны,  
Драконы полетят со мной по жизни...  
Тогда же, помню, я мечтал о Насте.  
Мечтал, что с ней проснусь в одной кровати  
И буду трогать чудненькую грудь...  
...Я жрал, как все мальчишки этот мир.  
Писал, летал во сне и звал эмоций.  
Эмоции пришли – мои кошмары -  
И некуда от них мне было деться...  
В кассетнике играет Майкл Джексон,  
А ты боишься, просто так – БОИШЬСЯ...  
Как описать вам страх, раз не боялись?  
Ни двойки, ни отца, а мой – животный.

Когда ты прячешься в норУ под одеяло,  
А даже там тебя не отпускает.  
И страшно, страшно, страшно, страшно, страшно...  
Решение сквозь переходный возраст –  
Задача там, где возраст длится годы...  
И я боялся и не знал, что делать,  
Не знал кого и клал на всякий случай  
Топор, украденный из шкафа в туалете,  
Под мятую кошмарами подушку...  
Сводили бы ребёнка к психиатру!..  
Но здесь ведь только Бог болезни лечит.  
О Боге люди редко размышляют –  
Тогда никто ничем помочь не смог мне.  
Ни бабка деревенская со свечкой,  
Меня лечившая руками в старой бочке,  
Ни то, что мы «валетом» спали с мамой:  
Она заснёт, а я боюсь и плачу...  
За перестройкой видеосалоны  
Припёрлись к нам...  
И я смотрел... Кошмары  
Немножко обрели своё лицо  
(Но тот – глобальный – никуда не делся).  
Мне не забыть, как после фильма «Челюсти»  
Боялся в море заходить.  
А жили мы на Юге...  
Как я боялся ванной после Фредди, «Нечто»...

Перевернуться этим режиссёрам!  
Реж. Киндзадза мне симпатичен больше:  
Смотрю его сейчас – и всё в порядке...  
Но нет порядка там, где есть кошмары.  
Раз нет порядка, приводи себя в порядок.  
Тем более никто помочь не может...  
Тогда и начал я интуитивно  
Искать ключи, ходы, чтоб было легче.  
Придумывать слова, движенья, жесты  
Как защитить себя от этих страхов –  
Джек Николсон, где «Лучше не бывает».  
Но это – не комедия – тут страшно...  
Наш серый потолок и я в кровати  
Защитой повторяю заклинанья  
Из слов бессмысленных и мистикой разящих.  
Не ошибиться бы, где чёт, где нечет –  
Так, чтобы получилось: не обратно...  
На улице два раза левой шаркнуть,  
А правую – один, чтоб всё в порядке...  
По первой лестнице не наступай на череп,  
Пролёт через одну, потом по каждой,  
Потом через одну, через одну...  
И проверяй всё в доме только в нечет...  
И никогда не говори «наверно»:  
«Короче», «может быть» и «точно» – это метод...  
Мне помогло... Наверно, это Бог

Взглянул в моё окно дождливым летом,  
Когда два месяца подряд лилась вода.  
Мне подпевая в слёзы и расклады  
Лилась...

В квартире никого и я один  
И в форточку мне видятся драконы,  
На дачах все, в 16.30 «Кортик»  
И больше ничего и ТИШИНА...  
Увидел он: в окне мальчишка пишет,  
Пытаясь слить во что-нибудь кошмары  
И страшно, страшно, страшно, страшно, страшно...  
Он пожалел... Так мне помог мой метод –  
Эмоции присели

Тогда... Теперь я тихо ощущаю  
Остатки памяти испуганного детства,  
Когда смотрю на серый потолок,  
В котором представлял себе картинки:  
Вот голова охотника, вот дева –  
Они в то время тоже помогали –  
Когда я проверяю газ и свет  
И запертую дверь так раз по восемь...  
Я продолжаю дальше: девятнадцать...  
Мы пьём с друзьями водку – мне блюётся  
В троллейбусе на заднее стекло...  
Чтоб ты перевернулась, эта водка!  
Самбука – та мне симпатична больше:

Затянешься разок – и всё в порядке.  
Мы драпаем... Конечно же драконы...  
Вот мой друг Коля: сочиняем песни,  
Записываем их, играем, дышим –  
Друзья, девчонки – в ноги – мы в фаворе...  
Тогда-то мне и повстречалась Тата –  
Печатала стихи, рассказы, тексты,  
Которые я сочинял из пальца.  
Мы пили спирт и даже целовались  
И ноготками Тата на машинке,  
Да волосы мне в хвостик одевала –  
Тогда за них и начал я бояться.  
На пять лет старше, сыну вроде пара...  
Потом расстались мы, потом сошлись и Это...  
Ментоловый я Dunhill покупал,  
Частенько оставаясь с нею на ночь  
Для мамы с папой под смешным предлогом.  
И муза всё меня не отпускала,  
Что есть нормально в девятнадцать лет...  
Полгода после по взаимному согласью  
Решили мы в конец расстаться с Татой...  
С тех пор плясали девки предо мной  
И в крылья хлопали мне на бегу драконы...  
Я поступил в ненужный институт,  
Тогда же в первый раз решил жениться.  
Девятым августа раскрашен календарь

И в памяти застряла эта дата  
Помимо Дня Рождения с Новым Годом...  
Связал нас общий друг и одноклассник,  
К которому мы в армию возили  
Галлоны кофе, чтоб косил «по сердцу»...  
Мы целовались, спали без ума.  
Я ничего вокруг почти не видел  
И всё писал о ней и про неё...  
Но музыка текла своей рекою:  
Концерты, встречи... Творческий накал,  
Который постепенно истекал,  
В наркотик постепенно превращаясь...  
Эмоций и общенья не хватало  
И мы с ребятами попали в никуда...  
Тогда же мучил, помнится вопрос –  
Я, выросший на книжках и геройствах,  
Наивно полагал:  
Когда ты людям делаешь добро  
И только,  
То – они тебе добро.  
Но, оказалось, в жизни всё не так:  
Скорей наоборот – и в этом fuck...  
Меня всё это раздражает до сих пор.  
Короче, Сшибочкой По-Павлову назвать  
Готов я этот сладостный момент.  
Но в девятнадцать – двадцать он у всех, пожалуй.

Досадно, если в тридцать затянулся...  
...Итак, я звал эмоций. Что ж – пришли...  
Я уходил из дома – это поза.  
В квартирах ночевал, кипела доза  
И девушка от ломки обмочилась  
На серые кроватные листы,  
Хозяин со шприцом в паху ходил  
От вен, ушедших ото всех и вся  
Конечностей. Он грязно так смеялся...  
Менты с визитом раз на день...  
Не помню, что тогда я написал.  
Писал ли я?.. Я ржал – работал Gunjeeeeeeeeee.  
И в терминатора играл под LSD...  
А в это время мой весёлый друг,  
С которым мы играли и писались,  
Бросался в своём водочном бреду  
С моста от Горьковской до Марсового Поля,  
Но не погиб: про маму вспомнил – всплыл...  
В психушке сутки, даже не звонил...  
А дальше всё опять – концерты, водка,  
Бросанья под машины, суицид...  
Потом уж после всё же спохватился:  
Укол – и сыт...  
Что ж я?.. А я назвался  
В кругах знакомых Птицей Заводной,  
Поскольку заводил и заводился

И мог летать... Я всё летал во сне...  
И пёрло. Распирало от эмоций...  
Писалось – вспомнил... Кто писал моей рукой?..  
Я думаю теперь: мой бедный мальчик,  
Кому ты пел? Кого учил летать?  
Друзей? Знакомых, родственников, близких?..  
Жена послушно плакала. Страдала...  
Где вы теперь, знакомые мои?  
В тюрьме? От передоза...? Я не вижу  
И не хочу увидеть их следы  
На сгибах... Кто-то мне давно стучал:  
В займы... И скорую, поскольку вот – в подвале –  
От закипания раствором крови  
Второй знакомый «Просто умирает»...  
Я дал. Я позвонил... Но это после...  
В те времена же вспомнил я о маме,  
Когда под прогрессивными грибами  
Увидел я людей, одетых в маски,  
Спускаясь эскалатором метро...  
Как будто белый грим на них одели.  
Вот: сплошь и рядом всё они... Они...  
И страшно, страшно, страшно, страшно, страшно...  
Ко мне вернулось ощущение детства –  
Я побежал и в воздухе драконы,  
Но не спастись, не убежать, не деться:  
Не отпускает и не отпускает...

Потом меня продернула измена,  
Что бешенством я где-то заразился...  
Тогда от всех и вся сбежал я к маме  
И целую неделю провалился  
Под серым потолком... Не ел, не мылся.  
В подушку мокрую всё тёк больной слюною  
Своей измены... «Господи, послушай!  
Оставь меня пожалуйста в живых...»  
Эмоции ушли: переломался...  
Но год ещё я пошло пил:  
Эмоций память долго отпускает...  
Майлз Дэвис, как тебя я понимаю...  
Концерты шли. Я пел. Плясали девки...  
Жена хотела завести ребёнка.  
Я не хотел...  
Я помню этот день,  
Когда ел бигус дома от похмелья,  
Спеша с ночным концертом в модный клуб...  
Чтоб ты перевернулся, хренов бигус!  
(С тех пор его не ем и ненавижу).  
Мне макароны симпатичны больше:  
Посыпал перцем, кетчуп – и порядок.  
Но не о том. После концерта Птица –  
Так про себя я звался в тот период –  
Спешил рвануть с визитом к новым девкам  
И трахаться «хоть сутки на пролёт»...

Я думаю сейчас: мой бедный мальчик,  
Кто был с тобой тогда и кто сейчас зовёт?..  
Приехал в клуб... Вода, пинцет, драконы...  
На саунд-треке вроде всё нормально...  
Я помню шел на сцену с первой темой.  
Ребята улыбались, волновались.  
Я помню боль и как ушел со сцены,  
Оставив саксофон в полу валяться,  
И дорогой холодный пол сортира,  
И «Господи, оставь меня в живых.  
Пожалуйста...»,  
И мысль: ну только б не аппендицит;  
Гримёрка, пол, диван, охрана – обыск,  
Такси, блюётся красною струёю...  
В парадной головой к стене на Петроградской  
Я прошу: Звоните в Скорую...  
И страшно, страшно, страшно, страшно, страшно...  
Так страшно, где никто помочь не может...  
Реанимация... Напротив – человек  
С обрубком кровоточащей ноги...  
Я в капельницах...  
А в дверях... Испуганное мамино лицо...  
Что вспомнить мне ещё из тех времён?  
Цветным пятном осталась тётя Лора,  
К которой с Колей ездили на дачу  
В весёлый 63-й километр.

И Петроградская, где пелось и писалось,  
Где плавали и хлопали драконы,  
И мы мечтали с ним и вверх смотрели.  
Где сотни тех, кого лечил и парил  
Разъехались по Родинам и странам...  
Бог как-то спас потрёпанную птицу,  
Оставив жить...  
Я бросил пить и пр., ушли драконы  
И память об эмоциях прошла,  
Оставив мне одно желанье – выжить.  
О! Это был чудесный Новый Год в больнице!  
Так больно. Шмель, зажатыйдохлый внутри окна...  
Прекрасный праздник...  
Я перестал играть... И пустота...  
Об стену кулаками... Как жена терпела?  
Как помогла мне всё-таки картинку удержать?  
Чтоб жил. А жить то было нечем...  
И мы с ней вместе побежали к Богу,  
Пытаясь мир наш вместе с ним построить.  
И дочка... Серафима родилась...  
Тогда придумал я забавный метод:  
Чтоб как-то на поверхность да всплывать,  
Проблемы себе нужно создавать  
И их решать. Но быть должны под силу.  
Я начал «поступать», потом бросать.  
Там было скучно всё: там рыли мне могилу

Учителя...

Но многое я взял... Когда не спал ночами,

Потом вставал и к душу в пять утра

В тупом желании

научиться Свингу,

Английский одолеть...

С коляской, методично в сон качая

Девчонку, не желающую спать,

Гулял под дождь и снег...

Я был влюблён в неё, и маленькая фея

Мне улыбалась, крыльями звоня:

Так хлопали мне крыльями драконы...

Меж тем с женою мы ходили к Богу.

Тогда я понял, что такое Боль:

Другая боль – не та, что там: в больнице

Была...

А та, что есть во мне, в тебе, во всём и в каждом

Движении и мире заключённая и запертая –

Она всегда во мне и мной писала;

Что больше не писать я не могу.

Я стал писать...

Как объяснить вам, что такое Боль?

Ты чувствуешь её в глазах соседки

В метро,

В полёте птицы... Птицы... Птицы... Птицы!..

Меня так звали... Страшно, страшно, страшно...

Не бойся! Я писал про мир драконов...  
О том, как понимаю этот мир...  
О том, как безнадёжно мне бороться  
С его дурацкой правильной машиной...  
Такому сумасшедшему и маленькому мне...  
И началась война. Я бросил вызов,  
А мир меня увидел...  
Я снова стал лечить, он начал бить,  
Кидая мне картинки из эмоций...  
Теперь не помню я, откуда точно  
Взялась идея некого союза,  
Который бы помог объединить мне  
Таких же сумасшедших, как и я...  
Заметил я, что всё пишу о Солнце,  
Ребенком полагая, что оно  
Способно победить наш мир драконов:  
Ведь Солнце с Богом сравнивали люди  
И Солнце в детстве мне так помогало  
Из ночи выйти – днём чуть меньше страшно было...  
А Солнце – рыжее, и, стало быть, союз...

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.